

Высокопреосвященный Іаковъ, Архі- епископъ Казанскій и Свѣяжскій.

Высокопр. Іаковъ уроженецъ Калужской губ. „Мірское“ его имя Иванъ Пятницкій. Родился Владыка 22 сент. 1844 г. Въ 1870 г. онъ окончилъ курсъ Московской дух. академіи и въ этомъ же году былъ опредѣленъ помощникомъ секретаря со- вѣта академіи. Въ 1872 г. Владыка Іаковъ получаетъ назначе- ніе на должность смотрителя Мещовскаго дух. училища, а въ слѣдующ. г.—на должность преподавателя Виѣанской дух. семинаріи. Въ 1878 г. Владыка удостоивается ученой степени маги- стра богословія, въ 1886 г. принимаетъ монашество, возводится въ санъ архимандрита и получаетъ назначеніе на должность ректора Виѣанской духовной семинаріи. 23 марта 1891 г. со- стоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Іакову епископомъ Балахнинскимъ, а въ слѣд. г.—еписк. Уманскимъ, еще черезъ годъ—епископомъ Чигиринскимъ и въ 1898 г.—епи- скопомъ Кишиневскимъ. 12 августа 1904 г. епископъ Іаковъ возводится въ санъ архіепископа и получаетъ въ управленіе архіепископію Ярославскую. 26 янв. 1907 г. Архіеп. Іаковъ изъ Ярославля переводится въ Симбирскъ. За время своего служе- нія, Владыка Іаковъ, кромѣ какъ архіепископ. саномъ, былъ на- граждень орденами св. Анны 1 ст. (1896 г.), св. Владиміра 2 ст. (1901 г.) и св. Александра Невскаго (1907 г.).

Въ Симбирской епархіи Архіеп. Іаковъ, съ самаго начала своего 4—лѣтняго управленія ею, привлекъ къ себѣ живую сим- патію всѣхъ слоевъ Симбирскаго общества. При отъѣздѣ же Архіепископа къ новому мѣсту его служенія, въ Казань, со всею полнотою и съ наибольшей жгучестью сказалось, какъ близокъ и дорогъ былъ маститый Архипастырь для паствы. И это, конечно, совершенно понятно, если принять во вниманіе, какими недюжинными дарованіями обладаетъ Архіеп. Іаковъ, насколько разностороння и возвышенно—благородна его натура, насколько крупная это была фигура на Симбирской каедрѣ. Почти во всѣхъ привѣтствіяхъ, какія были посвящены Архіеп. Іакову, по поводу его отбытія изъ Симбирска, отмѣчалась его „мудрость“, его свѣтлый и пронизательный умъ, какой скво- зилъ во всѣхъ его дѣлахъ по управленію епархіей, въ его от- ношеніяхъ къ управляемымъ, въ широкой его просвѣщенности. По широтѣ своей просвѣщенности Архіеп. Іаковъ положительно

изумлялъ всѣхъ, кто болѣе или менѣе близко съ нимъ соприкасался. Не въ спеціальной лишь области богословія многосвѣдущъ Владыка: онъ чутко слѣдилъ за всѣмъ новымъ и значительнымъ и въ области наукъ естественныхъ, въ области литературы, филологіи и т. дал. Всякая новая незаурядная книга непременно попадала въ бібліотеку преосвященнаго, а часто, по его указанію, и въ бібліотеки мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. По отношенію къ этимъ заведеніямъ Владыка Іаковъ былъ не просто начальникомъ, но подлиннымъ менторомъ. Бывая въ дух.-учебныхъ заведеніяхъ то на урокахъ, то на экзаменахъ, маститый Архіепископъ не наблюдалъ только или контролировалъ учебную жизнь, но, такъ сказать, принималъ непосредственное участіе въ самомъ ходѣ школьнаго дѣла, и какъ часто, напр., въ семинаріи, уроки не по богословію только, но и по психологіи, и по физикѣ, обращались, въ присутствіи Архiep. Іакова, въ оживленные коллоквиумы на научныя темы между убѣленнымъ сѣдиною архіереемъ и юными питомцами школы! Высокопросвѣщ. Архипастырь всею душою заботился и о просвѣщеніи своей паствы, во главѣ съ самимъ духовенствомъ. Владыка Іаковъ всѣми возможными путями хотѣлъ пользоваться, чтобы доставить духовенству наиболѣе средствъ для его самообразованія. Онъ вполне покровительственно отнесся къ возникшимъ въ епархіи образовательнымъ пастырскимъ кружкамъ, равно какъ и къ образовательному кружку, существующему въ дух. семинаріи. Возможно болѣе просвѣтительнаго характера и практически—полезнаго направленія стремился придать арх. Іаковъ и мѣстнымъ „Епарх. Вѣдомостямъ“, которыя, по его убѣжденію, должны въ самомъ широкомъ, но, конечно, доступномъ для нихъ масштабѣ, знакомить духовенство съ теченіями современной церковно-общественной жизни, русской, а также и заграничной, а главное—съ теченіями современной богословствующей и философствующей мысли. Отсюда преимущественное значеніе владыка придавалъ бібліографическому отдѣлу въ Симб. епархіальномъ изданіи. Обладая огромной эрудиціей въ сферѣ богословскихъ и другихъ наукъ, Владыка Іаковъ отличается, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой оригинальностью и новизной своихъ возрѣній по различнымъ частнымъ вопросамъ церковной и общественной жизни текущаго момента. Эти возрѣнія Архіепископа наиболѣе рельефно были выражены имъ самимъ въ 1906 г. въ „отзывѣ“ по вопросу о церковной ре-

формъ. Такъ, въ отзывѣ этомъ мы находимъ нѣсколько краткихъ, но чрезвычайно цѣнныхъ соображеній. Владыки о популярныя теперя доктринахъ социализма, коммунизма и индивидуализма, какъ послѣдній выразился въ нищестанствѣ и унасть въ творчествѣ М. Горькаго, при чемъ крайности этихъ учений Владыка строго логическимъ путемъ примиряетъ въ философіи христіанства. По спеціальнымъ вопросамъ церковной жизни Владыка высказывался за необходимость оживленія органовъ епархіальнаго управления соборнымъ началомъ. Въ качествѣ практической мѣры для этого оживленія Владыка указывалъ на учрежденіе на соборныхъ началахъ епархіальныхъ или епископальныхъ собраній, а также собраній благотворительныхъ и приходскихъ. Однако, Высокопр. Іаковъ былъ противъ такъ назыв. выборнаго начала по отношенію къ благотворительнымъ, — говорилъ онъ, — требовать, чтобы *довѣренное лицо архіерея* было выбираемо не имъ самимъ, а *духовенствомъ, поднадзорнымъ избираемому*. Развѣ Государственный контроль формируется тѣми самыми вѣдомствами, которыя имъ контролируются? По вопросу о богослуженіи Владыка Іаковъ былъ за необходимость примѣненія его «къ условіямъ городской и сельской трудовой жизни» и за желательность перевода богослужебныхъ книгъ, если не на русскій общепонятный языкъ, то на болѣе доступный для народа упрощенный языкъ славянскій, съ исключеніемъ изъ богослужебнаго текста такихъ «устарѣвшихъ реченій», какъ «амфо», «плеснѣ и глезнѣ», «сходники», «врсноту» и т. под. Излишне частымъ находить Владыка употребленіе у насъ присяги, напр., на судѣ, и высказывается за необходимость строгаго и поднаго соблюденія духовникомъ всѣхъ тайнъ, открытыхъ ему на исповѣди и т. дал. *Справедливость, полное безпристрастіе и неизмѣнная вѣрность закону* — вотъ вторая главная характерная черта Архіепископа Іакова, также дружно отмѣчаемая во всѣхъ адресованныхъ ему привѣтствіяхъ. Владыка Іаковъ въ правящихъ и ученыхъ сферахъ считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ русскихъ канонистовъ, облеченныхъ святительскимъ саномъ. Ближайшая осведомленность Архіепископа въ вопросахъ церковнаго права сказалась какъ въ подготовительныхъ работахъ къ предстоящему собору русской Церкви, такъ, между прочимъ, и на состоявшемся минувшимъ лѣтомъ Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, гдѣ Высокопр. Іаковъ былъ избранъ

предсѣдателемъ административной секціи. Будучи правовѣдомъ теоретикомъ, Высокопр. Архіепископъ въ практической своей дѣятельности ни на чѣту не отступалъ отъ почвы церковныхъ законовъ, но не отъ буквы ихъ, а отъ ихъ духа. Въ каждомъ своемъ шагѣ, въ каждомъ распоряженіи, въ каждой болѣе значительной резолюціи Высокопр. Іаковъ заявлялъ себя, какъ администраторъ, для котораго рѣшающее значеніе въ его дѣятельности имѣють лишь строгія и безстрастныя нормы права. О необходимости дорожить правомъ, выработаннымъ многовѣковой нашей жизнью, объ умнѣнь пользоваться имъ разумно и ни въ чемъ не переступать его границъ любилъ говорить Владыка и во всѣхъ своихъ рѣчахъ, въ архипастырскихъ наставленіяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ. Именно юридическаго характера рѣчь произнесъ Владыка въ духовной семинаріи 18 дек. этого года, когда онъ прощался съ воспитанниками, юридическія же нотки звучали и въ прощальной рѣчи Архіепископа къ народу въ Кафедральномъ соборѣ 26-го декабря. Можно сказать, что идея правды, справедливости является одной изъ господствующихъ идей во всемъ міросозерцаніи Владыки. Помнимъ, какъ въ одной изъ бесѣдъ лично съ нами Высокопр. Іаковъ даже богословіе наше, во главѣ съ виднѣйшимъ его представителемъ, проф. Свѣтловымъ, завинялъ въ излишне рѣзкихъ нападкахъ на западное католическое богословіе, юридизмъ котораго, по мысли Владыки, блестяще имъ аргументируемой, далеко не лишень глубокаго значенія. Будучи „законникомъ“ par excellence, Высокопр. Іаковъ точнаго согласія съ закономъ требовалъ и отъ всѣхъ подвѣдомыхъ ему учреждений и лицъ. Но это не значитъ, что Высокопр. Іаковъ былъ узкимъ и сухимъ формалистомъ, и что служить подъ его управленіемъ было тяжело. Совершенно наоборотъ. Въ просвѣщенномъ пониманіи Владыки законъ не имѣлъ какого либо самодовлѣющаго значенія и былъ лишь средствомъ для того, чтобы наибольшій порядокъ, наибольшіе строй, гармонію и именно „легкость“ внести въ теченіе руководимой имъ церковной жизни. И дѣйствительно: въ управленіи Архіепископа Іакова, подъ крѣпко утвержденною имъ сѣнію законности, всѣ подвѣдомыя ему учрежденія и лица пользовались невозмутимымъ миромъ, полнымъ спокойствіемъ, тѣмъ именно безоблачнымъ счастьемъ, какимъ, по библейскому повѣствованію, пользовались древніе израильтяне подъ сѣнію своихъ смоковницъ во времена мудраго Соломона. Каждому, кто

былъ подчиненъ Владыкѣ Іакову, напередъ было извѣстно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не пострадаетъ, если будетъ вѣренъ своему служебному положенію и не превыситъ данныхъ ему правъ. Наоборотъ: онъ наивѣрнѣйшимъ образомъ получить поощреніе въ своей работѣ, если будетъ стоять на почвѣ законности. Живо припоминается намъ слѣдующій случай изъ исторіи Казанскаго миссіонерскаго съѣзда, бывшаго прошлымъ лѣтомъ. Высокопр. Іаковъ, въ качествѣ предсѣдателя, руководитъ общимъ собраніемъ членовъ съѣзда. Впереди зала, за большимъ столомъ, цѣлый ареопагъ іерарховъ русской Церкви. На кафедрѣ одинъ за другимъ поднимаются ораторы и высказываются по вопросу о такъ назыв. кружкахъ ревнителей православія. Вслѣдъ за почтенными дѣятелями миссіи, на кафедрѣ появляется невзрачная фигура какого то деревенскаго священника, повидимому, — изъ инородцевъ. Оказалось, священникъ этотъ выступалъ уже раньше и даже, кажется, не разъ, но не совсѣмъ удачно. При новомъ появленіи батюшки на кафедрѣ, въ залѣ поднялся ропотъ:

— Не нужно его... Слышали мы... Довольно!..

Высокопр. Іаковъ призываетъ собраніе къ порядку, но собраніе не успокаивается, и, вмѣсто ропота, въ залѣ поднимается уже несдержанный гулъ голосовъ:

— Не нужно, не нужно... Не желаемъ!..

Высокопр. предсѣдатель беретъ звонокъ, нервно звонитъ, и, когда водворилась тишина, въ слухъ всего зала говоритъ:

— Отцы! Это, въ концѣ концовъ, просто неделикатно съ вашей стороны. Батюшка—членъ съѣзда. Онъ *имѣетъ право* говорить. А потому онъ долженъ говорить.

— Говорите!—обратился Владыка къ перепугавшемуся батюшкѣ, и тотъ въ торопливой и не совсѣмъ связной рѣчи высказалъ, однако, нѣсколько на этотъ разъ довольно дѣльныхъ соображеній по трактуемому вопросу.

Такъ Высокопр. Іаковъ въ наши дни, когда довольно нерѣдко раздаются своекорыстныя жалобы на безправіе, какъ на доминирующее зло жизни, и на капризы власти, какъ чуть ли не на общее явленіе, былъ живымъ носителемъ права, образомъ законности, въ силу чего указанные жалобы едва ли должны подлежать удовлетворенію...

При высокой своей культурности, при строжайшей справедливости, Владыка Іаковъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ и,

вообще, ко всѣмъ, кто входилъ съ нимъ въ такое или иное соприкосновеніе, былъ неизмѣнно ровень, внимателенъ, гуманенъ. Владыка глубоко уважалъ личность въ каждомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ по своему положенію, и относился въ высокой степени терпимо ко всякому честному и хорошо обоснованному мнѣнію. Со тщательностью, доходившей до щепетильности, занимаясь епархіальными дѣлами, Владыка не всегда имѣлъ возможность бесѣдовать со своими посѣтителями. Но когда онъ былъ свободенъ и отъ дѣлъ, и отъ тяжелыхъ думъ, на какія не можетъ не наводить трудное дѣло водительства многихъ тысячъ душъ пасомыхъ, и отъ безпокоящихъ заботъ по управленію епархіей, онъ былъ неподражаемъ собесѣдникомъ. Рѣчь Владыки въ тиши ли его покоевъ, во многолюдномъ ли и торжественномъ собраніи лилась тогда широкой рѣчкой и искрилась тонкимъ остроуміемъ. Къ разнообразнѣйшимъ темамъ Владыка подходилъ, какъ специалистъ, и всевозможнѣйшіе вопросы разрѣшалъ съ изумительной легкостью и—вмѣстѣ—глубокомысліемъ. Рѣчь Владыки всегда въ такихъ случаяхъ была такъ обильна не словами, а мыслями, и при томъ обычно мыслями своеобразными, часто совершенно новыми, что, не скроемъ, намъ лично, во время бесѣды съ Высокопр. Іаковомъ, казалось, будто мы присутствуемъ, выражаясь фигурально, въ своего рода лабораторіи мысли...

Казанская кафедра является, безусловно, для Высокопр. Іакова поприщемъ, наиболѣе, сравнительно съ кафедрой Симбирской, достойнымъ его богатыхъ духовныхъ силъ. И всѣ сожалѣнія объ уходѣ отъ насъ Владыки, при всей своей естественности, являются, конечно, совершенно бесплодными: къ намъ Владыка уже не вернется. И лучшее, что остается въ данномъ случаѣ для Симбирской паствы,—это воздать Провидѣнію благодарность за то, что іерархъ мудрый, просвѣщенный, справедливый и гуманный, хотя и короткое время, но *былъ* на Симбирской кафедрѣ, и хотя недолго, но *излучалъ* на Симбирскую паству свѣтъ и тепло своего благороднаго духа.

Да сохранить же Господь «святаго Владыку» еще на многіе и многіе годы во благо Церкви Казанской и всей Церкви Россійской и въ радостное воспоминаніе для церкви Симбирской.

Ис' полла эти деспота!

Н. Ко—овъ.